

Мовазнаўства

П. П. ШУБА

ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

Корневой морф признается обязательно наличествующим в каждой словоформе. А так как слово может быть представлено единственной словоформой (например: *вдруг, у, но, жаль, нет*), то этим самым утверждается наличие корня и у подобных слов.

В большинстве современных исследований корень определяется лишь формально, как непроеизводная основа. «Корневой морф определяется через понятие основы, а основа — через понятия флексийного и постфиксального морфов», — говорится в «Русской грамматике»¹. Н. М. Шанский к корневым морфемам относит и аффиксоиды.

Нередко корень определяется и семантически: «корнем выражается основная часть семантики слова»²; «корень — это основная смысловая часть слова без аффиксов»³. Однако И. И. Ковалик предостерегает, что мнение, будто корнем выражается основное лексическое значение слова, — неверно⁴. А. И. Кузнецова считает, что «можно говорить об облигаторности, обязательности значения у корня, но не об обязательности его явного проявления»⁵.

В школьных пособиях корнем называют «значимую часть слова, в которой заключено общее значение всех родственных слов»⁶. Выделение корня в школьной практике используется прежде всего для подбора родственных слов, что связано с морфологическим принципом русской орфографии. Наверное, поэтому мы привычно воспринимаем процедуру выделения корня у слов знаменательных и редко задумываемся над тем же вопросом, когда речь заходит о словах иных разрядов.

А между тем уже в разных разрядах самостоятельных слов понятие корня требует некоторых дополнительных комментариев. Обычно самостоятельные (полнозначные) слова традиционно в русской грамматической литературе делят на знаменательные и местоименные (или указательные). Местоименные слова не называют предмета, признака или количества, а лишь указывают на них. Таким образом, лексическое значение местоименных слов характеризуется высокой степенью обобщенности. Немногочисленность местоименных слов и своеобразие их лексического значения, неярко выраженная активность местоимений как базы для образования слов, принадлежащих к другим частям речи, немногочисленность типов внутриместоименного словообразования, — все это приводит к некоторым затруднениям в выделении корня. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов справедливо считают, что для местоимений характерна условность самого понятия основы. Она нередко бывает представлена одной фонемой (ср.: *-j-* у местоимений *ее, ему* и под.), а иногда даже нулем, что вовсе несвойственно непроеизводным основам, т. е. корням слов знаменательных (ср.: корень у местоимений *их, им* при условии, что *и* может произноситься без начального *j*).

При морфемном членении местоимений часто наблюдается и услов-

ность отделения самих флексий, так как у остающейся части слова фактически трудно определить семантику, подобную семантике основы у слов знаменательных. Местоименные корни сравнительно редко встречаются в составе других слов — и это при очень высокой частотности употребления местоимений в речи.

Таким образом, уже сравнивая корни знаменательных и местоименных слов, мы можем соответственно говорить о двух типах корневых морфем в кругу полнозначных слов. Если у слов знаменательных корню приписывается способность быть «выразителем основной части семантики слова», то корень местоименных слов нередко почти лишен этой способности (в самом деле, как, например, определить значение корня *-j-* в местоимении *ему* или корня *-н-* в местоимении *нас?*); если у слов знаменательных единичные корни (т. е. корни, которые встречаются только в данном слове и больше нигде) не столь часто наблюдаются, то у местоименных — это обычное явление.

Значительные трудности возникают при анализе корней неполнозначных слов (как слов служебных — предлогов, союзов, связок, так и слов, служащих речевыми актуализаторами, т. е. частиц), а также модальных слов, междометий и звукоподражаний.

Распространено мнение, будто при переходе слова из разряда знаменательных в служебные автоматически изменяется характер членности его основы. Если основа данного слова была производной, то с приобретением служебной функции у слова основа становится непроизводной. Такое утверждение, вероятно, явилось следствием общепринятого тезиса, согласно которому служебные слова, представленные каждое единственной словоформой, равны, по существу, корню. Однако вряд ли мы сможем утверждать, будто предлоги *вокруг*, *насчет*, *согласно* и под., союзы *зато*, *точно* и под., связки *кажется*, *является* и под. материально равны корню. Еще меньше шансов соответствовать объективной действительности имеет попытка объявить равными корню такие предлоги и союзы, как *несмотря на*, *в силу*, *в связи с*, *так как*, *потому что*, *в то время как*, *несмотря на то что*, *если ... то*, *не то ... не то* и др. Но если среди последних можно найти нечто вроде объединения корневых морфем (хотя далеко не все компоненты и здесь материально равны корню!), то в предлогах типа *вокруг*, *насчет* или союзах типа *точно*, *словно* затруднение оказывается куда более серьезным. В самом деле, в предлоге *вокруг* никак нельзя выделить образующую основу *круг-* и префикс *во-* (или, если быть более корректным, основу *-круг-* и конфикс *во-...-Ø*), в союзе *точно* нельзя найти образующий суффикс *-о* и основу *точн-* (если понимать морфемный анализ по В. В. Лопатину, т. е. не как механическое деление слова на части, а как последовательный — ступенчатый — словообразовательный анализ). Можно было бы сказать, что эти составные части указанных служебных слов получены в «наследство» от наречий *вокруг* и *точно* (причем наречие *точно* приобрело значение союза, лишь пройдя стадию сравнительной частицы).

Однако здесь нас подстерегает одна фундаментальная трудность: а всегда ли изменение синтаксической функции слова приводит к разрыву его на омонимы? Если для слов изменяемых это еще в известной мере можно доказать (ср., кроме изменения валентности, появление разных парадигм при переходе прилагательного в существительное; однако уже труднее доказать, что существительное *тысяча* и числительное *тысяча* — слова-омонимы), то для слов неизменяемых привести убедительные аргументы, доказывающие распадение единой лексемы на два (или три, четыре) слова-омонима лишь из-за того, что изменился характер синтаксической сочетаемости этого слова, — привести такие аргументы становится практически невозможно. Остается лишь верить утверждению, будто всякое изменение функции ведет к омонимии. Но не слишком ли много омонимов в таком случае появится в нашем лексиконе? Лексикографическая практика резко противится этому, не принимая такой неэкономной модели языка.

Не укладываются в эту теорию и так называемые синтаксические дериваты, введенные в широкий обиход авторами академической Грамматики-70. В самом деле, чтобы признать разными словами деепричастие *лежа* (*лежа на скамейке*) и наречие *лежа* (*читать лежа вредно*), необходимо доказать разрыв цепочки значений в сознании говорящих и слушающих (ср.: *свет настольной лампы* и *объехать весь свет*, где такой разрыв налицо, но: *огонь очага* и *огонь из автомата*, где второе употребление слова *огонь* манифестирует лишь новое значение полисемичного слова, но отнюдь не омоним, ибо значение 'стрельба' у слова *огонь* в выражении *огонь из автомата* не лишено представления о пламени, так же как и в выражении *огонь очага*). Доказать разрыв на омонимы в случае с деепричастием *лежа* и наречием *лежа* вряд ли удастся. Наверное, не удастся убедительно доказать наличие разрыва на два звена цепочки значений и, следовательно, расслоения на омонимы и в случае употребления слова *вокруг* в роли наречия и в роли предлога.

Да и есть ли необходимость доказывать появление омонимов? Ведь не доказываем же мы появление омонимов при функционировании лексемы *где* как союзного слова и как наречия или лексемы *какой* как союзного слова и как местоимения. По-видимому, правильное будет и в случае употребления слова *вокруг* в выражении *вокруг дома* видеть не появление нового слова-омонима, а лишь изменение синтаксической сочетаемости на том основании, что наречие здесь выполняет не основную, а вторичную для себя функцию — функцию средства связи компонентов словосочетания. Основной такая функция является у предлогов.

Такой взгляд на большинство так называемых «производных» предлогов и союзов (т. е. определение их не как морфологического класса, а лишь как синтаксического средства, имеющего морфологический центр в виде непроединных предлогов и союзов и обширную синтаксическую периферию) поможет выйти из следующей трудности: что делать с «предлогами» типа *в силу*, *в связи с* и под., с «союзами» *потому что*, *в то время как*, *несмотря на то что* и под.? Назвать словом каждое из приведенных единств никак нельзя: нет никакого сомнения, к примеру, что «союз» *несмотря на то что* состоит из двух компонентов — указательного (соотносительного) *несмотря на то* и собственно союза *что*; в свою очередь, указательный компонент включает «предлог» *несмотря на* и форму винительного падежа местоимения *то*; «предлог» *несмотря на* состоит из двух лексем — бывшего деепричастия *несмотря* и собственно предлога *на*. Следовательно, нельзя такие «предлоги», как *в силу*, *в связи с* и под., или такие «союзы», как *несмотря на то что* и под., зачислять и в какой-нибудь разряд, именуемый частью речи. Все-таки это пока еще сочетания слов (правда, эти сочетания в перспективе — база для рождения цельноформированных слов). Эти сочетания слов можно квалифицировать как синтаксические средства, употребляемые для связи компонентов словосочетания или компонентов сложноподчиненного предложения. А синтаксическое средство с такой функцией не обязательно должно быть словом — оно может быть и сочетанием слов. При таком подходе к предлогам и союзам у нас не будет необходимости объявлять слово *вокруг* (в выражении типа *вокруг дома*) равным корню, так же как и не будет надобности считать «союз» *так как* или *несмотря на то что* единой корневой морфемой.

Однако и на этом не кончаются затруднения, связанные с понятием корня у служебных слов. Признание типа *при*, *на*, *у*, *из*, *то* формальными тождественными корневой морфеме должно привести к признанию морфемных сочетаний типа *пригород*, *ухать*, *написать*, *известить*, *какой-то*, *где-то* и под. не чем иным, как сложениями, т. е. композитами, ибо перед нами слова, в каждом из которых (по крайней мере, на ближайшем диахроническом срезе) по два корня. Тем не менее такое решение явно абсурдно.

Приходится признать, что корни неполнозначных слов — это корни иного ранга, нежели корни слов полнозначных. Приходится утверждать,

что словосложение лишь тогда является действительно словосложением, если слагаются корневые морфемы одного и того же ранга. В этом случае легко объяснимыми станут и такие образования, как *из-за*, *промеж* (или *промежду*), *помимо* и под. — они должны вне всякого сомнения квалифицироваться как сложения. Объединения же корневых морфем разного ранга (ср.: *пригород*, *отсебятина* и под.) должны будут квалифицироваться уже не как сложение, а как аффиксация. Путь превращения, предположим, предлога в префикс — это уже самостоятельная проблема.

Несомненно, следует внимательно проанализировать и специфику корневых морфем модальных слов, междометных слов, звукоподражаний. Есть все основания предполагать, что характер корневых морфем у частиц, а также у названных классов слов имеет свои особенности.

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 124.

² Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. С. 88.

³ Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958. С. 199.

⁴ См.: Ковалик И. И. Вчення про словотвір. Львов, 1958. С. 18.

⁵ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986. С. 5.

⁶ Русский язык / Под ред. Н. М. Шанского. Учебник для 5—6 классов. М., 1985. С. 131.

Б. А. ПЛОТНИКОВ

К ПОСТРОЕНИЮ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Дихотомический (бинарный) принцип анализа языковых явлений, сущность которого заключается в двоичном разбиении наблюдаемых фактов или их совокупностей, первоначально использовался в фонологии, где сделана попытка дать исчерпывающую характеристику фонем всех языков посредством набора бинарных фонетических признаков типа вокальность — невокальность, глухость — звонкость, твердость — мягкость и т. д.¹

Уже при дихотомическом анализе грамматических явлений Р. Якобсон дал образец системного описания категории русского падежа с помощью трех иерархически организованных семантических признаков бинарного типа: направленность — ненаправленность, объемность — необъемность, периферийность — непериферийность². Впоследствии дихотомический принцип стал господствующим при анализе синтаксических явлений языка в трансформационной грамматике, где практически любое развернутое предложение способно представляться в виде иерархического дерева-схемы, построенного на бинарном основании.

При исследовании и описании лексических явлений языка дихотомический анализ еще не нашел широкого применения, хотя при изучении структуры отдельных слов и некоторых групп лексики рассматриваемый прием используется вполне успешно. Нам представляется с достаточной очевидностью, что среди разнообразных структур, лежащих в основании многомерного системного устройства лексики, возможно, ведущее, или, по крайней мере, обязательное место занимают дихотомические структуры как самые простые, экономные и оптимальные способы организации и словаря, и лексических групп, и компонентов, выделяемых в составе слов. В этом отношении дихотомические приемы анализа способны служить средством экспликации и одноименных структур тех или иных явлений лексики, поскольку удачно выбранный для исследования конкретного явления метод есть не что иное, как развернутое внутреннее свойство этого явления.

Дихотомические структуры, в рамки которых укладываются конечные синтаксические схемы предложений, генерируемые носителями языка, предоставляют возможность думать об универсальности характера